

НА СУХУМСКИХ ПАРАХ

Эту историю лучше было бы рассказать сидя за столиком верхнего яруса сухумской «Амры». Прошлое здесь особенно хорошо вспоминается. Однажды я поднялся сюда, прихватив с собой распечатанный из интернета фотоснимок сделанный на этой самой «Амре» более пятидесяти лет тому назад. Даже металлические перила «Амры» с изображением чугунного якоря видны. Правда, не видно чугунных чаек, тоже встроенных в конструкцию перил, и, по сути в пространство, где и без того над головой круглый год летают живые чайки. Вспоминается, как один мой знакомый в Крыму купил квартиру, сделал в ней дорогой ремонт и, как говорят, всё обставил. Из окон его спальни открывался вид на знаменитый АЮ-ДАГ (Медведь-гору). Прекрасный был вид, чего же ещё надо... Но знакомый решил усилить впечатление от этого вида и попросил художника нарисовать ему ещё и большую картину с изображением Медведь-горы. Когда картина была готова, он повесил её в спальне над изголовьем

кровати, прямо напротив настоящей «Медведь-горы», вид на которую открывался из окна спальни.

— Согласись, что так более гармонично, — обратился он ко мне.

Согласившись, я посоветовал ему для пущей гармонии повесить рядом с картиной ещё и русскую гармонию. Он рассмеялся, а я подумал, что раз с чувством юмора у него всё в порядке, то и с чувством меры может быть со временем тоже повезёт. Однако, не будем отвлекаться по мелочам, а лучше ещё раз взглянем на фотоснимок. А на снимке, по обе стороны большой пристани, что напротив «Амры», запечатлены два немецких круизных теплохода — «VOLKERFREUNDSHAFT» на переднем плане и «FRITZ HECKERT» на заднем. Так уж им выпало по расписанию, что в один из дней начала шестидесятых годов прошлого столетия оба корабля встретились в сухумской бухте. И как знать, может быть в память об их встрече и снимок этот был сделан капитаном как раз того теплохода, которому и было суждено выйдя однажды из нашей субтропической гавани, по пути в Гавану, попасть в заваруху больших политических событий. Повторюсь, что конечно же лучше было бы, при случае, рассказать эту историю на верхнем ярусе «Амры», которой и самой всегда есть что нам рассказать, но кто знает, когда такой случай представится, а если и представится, кто знает, дослушает ли тебя до конца тот, с кем ты окажешься в это время за одним столиком. Возьмёт и перебеёт на полуслове... Иди ищи себе потом другого собеседника. А так никто не перебеёт. В крайнем случае, не дочитает до конца. Кто знает, может быть, человек, прочитав заголовок, настроился совсем на другую историю. Разные люди попадают. «Всякий бывает...», в шутку на самурзаканский манер говорила в таких случаях моя мама, русская женщина родом из Украины...

Так вот... В шестидесятых годах прошлого столетия теплоходы «FRITZ HECKERT» и «VOLKERFREUNDSHAFT», с туристами на борту, раз в году, обычно ранней осенью, и как правило, не пересекаясь друг с другом, заходили в сухумскую бухту. И пока наши зарубежные гости на автобусах уезжали на экскурсию, капитаны, уже неоднократно побывавшие и в Новом Афоне и на озере Рица, и в других достопримечательных местах, выходили просто прогуляться по набережной. Мой дядя, сухумский адвокат, тоже любил прогуляться по набережной. В то время, он имел

немецкую разборную парусную яхточку — швертбот «DELPHIN-110», которую привёз из ГДР, путешествуя со своими московскими друзьями на нескольких автомобилях «Волга» ГАЗ-21 по странам социалистического содружества. Изучив немецкие возможности своей «малокаботажной яхты» с помощью время от времени навещающего Абхазию и забежавшего к нам домой «на чашечку кофе» легендарного чемпиона Олимпийских игр по парусному спорту Тимира Пинегина, дядя, знавший немецкий язык, и, по-видимому, уже нацелившись на большой каботаж, познакомился с обоими капитанами немецких судов и между ними сложились приятельские отношения. И когда, какой-либо из двух теплоходов причаливал к сухумской пристани, то каждый раз, на площади, носящей сегодня имя президента Абхазии Сергея Васильевича Багапш, того или иного капитана ожидал мой дядя, сидевший за рулём 21-й Волги, цвета морской волны, как и было записано техпаспорте автомобиля. А так как на сиденья Волги были надеты чехлы из парусины, то можно сказать, что цвет автомобиля и его внутренний интерьер создавали для немецких капитанов плавный переход от привычной морской обстановки к возможным береговым неожиданностям.

Автомобиль ГАЗ-21 был с автоматической коробкой передач (!), а дядя был в сандалиях на босу ногу, правда, не знаю насколько это усиливает сюжет. Возможно, в данном случае и не усиливает, но был и другой случай, когда одно неосторожное замечание со стороны, относительно дядиных сандалий, послужило поводом для корректировки им вступительной части адвокатской речи.

В один из будних дней, после утренней прогулки на своей яхточке, дядя, в сандалиях на босу ногу, отправился на судебное заседание. Когда дело дошло до выступления дяди, судья, увидев, что адвокат собирается выступать в сандалиях на босу ногу, не сдержался и обращаясь к нему сказал:

— Товарищ адвокат! Придя на судебное заседание в сандалиях на босу ногу, Вы тем самым оказываете неуважение суду!

Дав дяде повод для разминки перед основным выступлением, в ответ судья услышал:

— Уважаемый товарищ судья! Если бы моё уважение к суду определялось тем, как я оделся, на некоторые судебные заседания я бы вообще приходил голым...

Судья, мысленно дав оценку тому факту, что если не заострять внимание на сандалиях, одетых на босу ногу, другая одежда на дяде есть, а значит к данному судебному заседанию адвокат относится с уважением, как-то успокоился и продолжил процесс.

Встретившись с капитаном того или иного немецкого теплохода, дядя, каждый раз поднимался с ним на своей «Волге» на Сухумскую гору и они обзрев бухту с высоты, заезжали потом на чашечку кофе к нам домой на улицу Ленина, 39. Можно предположить, что именно по той причине, что общение дяди с немецкими капитанами происходило на улице, носящей имя Ленина, безобидность их встреч не вызывала сомнений у компетентных органов, призванных по роду своей деятельности обеспечивать такую безобидность. Хотя, с другой стороны, некоторых товарищей из компетентных органов, настроенных на повышенную настороженность, название улицы могло бы насторожить ещё сильнее, так как ещё в школьные времена, слово «Ленин» у нас ассоциировалось не только с окончательными результатами Октябрьской революции, но также и с некоторыми мероприятиями, лежащими в плоскости подготовительных к революции этапов. Как бы — то ни было, но после встреч с немецкими капитанами, дядю никто, никогда и никуда не вызывал. Скорее всего, некоторые наши товарищи из компетентных органов, зная, что название теплохода «FRITZ HECHERT» это имя известного немецкого коммуниста, а название «VOLKERFREUNDSHAFT» с немецкого языка переводится как «ДРУЖБА НАРОДОВ», понимали, что их немецкие товарищи не назначили бы не проверенных людей капитанами судов с такими названиями. Оправдывая это предположение, как и известную поговорку «Как корабль назовёшь...», теплоход «Дружба Народов», в октябре 1962 года отчалив от сухумской пристани дошёл таки до берегов Кубы, что в то тревожное время, в связи с Карибским кризисом, было почти невозможно. Но об этом позже...

Ранней же осенью 1962 года, теплоход «Дружба народов» бросил якорь в сухумской бухте, после чего капитан, завершив все необходимые процедуры, в том числе и связанные с пограничным контролем, спустился

по трапу и вышел на набережную. Убедившись в том, что на этот раз его никто не встречает, он, неплохо ориентируясь в окрестностях, решил пройтись до дома своего приятеля-адвоката и пошёл по набережной в сторону гостиницы «Абхазия», свернув потом налево на улицу Ленина. Капитан, конечно, не знал, что дядя несколько дней тому назад уехал в Москву навестить своих московских приятелей с некоторыми из которых учился в середине сороковых годов в институте. Кстати, сокурсником дяди по Всесоюзному юридическому заочному институту был будущий советский разведчик Конон Молодой, ставший впоследствии прототипом персонажа героя «шпионского» фильма «Мёртвый сезон», и, как сокурсник будущего разведчика, дядя, скорее всего, был в курсе различного рода приёмов конспирации, однако при встречах с капитанами никогда их не применял. А в середине семидесятых годов к нам домой пришёл ещё один очень интересный советский человек, получая информацию от которого, различные «голоса» пробивавшиеся через глушилки из радиоприёмников до нас в те времена, предвосхищали последующий комментарий словами: «как стало нам известно из хорошо осведомлённого источника...». Этот человек, хотя и шёл по жизни своим особым путём, но к нам домой в середине семидесятых годов пришёл тем же «ленинским путём», что и капитан теплохода «ДРУЖБА НАРОДОВ», свернувший с набережной на улицу Ленина. Звали этого человека Виктор Луи. В те годы Виктор Луи решил построить себе дом на сухумском побережье. А один из московских друзей дяди — Борис Ионыч Бродский, бородатый искусствовед, преподававший историю искусств в Щукинском театральном училище, порекомендовал Виктору Луи дядю в качестве сухумского юриста по жилищным вопросам. Интересно, что сначала к дяде домой, как выяснилось впоследствии, пришёл не сам Виктор Луи, а внешне очень похожий на него человек, представившийся дяде Виктором Луи. Они поговорили, выпили кофе и тот ушёл. А через день, «выйдя из конспирации», к дяде пришёл уже и сам Виктор Луи. Они тоже поговорили, тоже выпили кофе, но после разговора с Виктором Луи дядя порекомендовал ему другого сухумского адвоката. Уж не знаю, чем дядя мотивировал, но Виктор Луи, последовав его совету, познакомился потом с другим адвокатом и вскоре построил себе симпатичный дом в районе Маяка, у самого моря и с бассейном во дворе. Поговаривали, что этот бассейн каким-то образом наполнялся морской водой, что отчасти напоминает порыв моего крымского знакомого с его картиной «Медведь-

гора», усиливающей, по его мнению, впечатление от настоящей «Медведь-горы», вид на которую открывался из спальни знакомого.

Я никогда не спрашивал у дяди, почему он не взялся посодействовать Виктору Луи в его деле. Возможно, дядя посчитал, что осведомлённость источника, на которую тогда ссылались различные «голоса», не всегда предполагала точность переданной им информации, и здесь, Виктор Луи, набив в этом деле руку, мог по инерции передать адвокату искажённую информацию о некоторых деталях, искажение которых могло в свою очередь повлиять на дальнейшие доверительные отношения сторон. А дядя всегда был сторонником доверительных отношений.

И вот, немецкий капитан, с которым у дяди, в отличие от упомянутого Виктора Луи, сложились доверительные отношения, осенью 1962 года расслабившись от бархатного сухумского воздуха также, как профессор Плейшнер в сорок пятом от швейцарского, ничего не подозревая о подстерегающей его береговой неожиданности подошёл к дому № 39 по Ленина. У дома стояла «Волга», на которой в отсутствие дяди, а нередко и в других случаях, ездил мой отец. Будучи в некоторых вещах человеком ленивым по складу своего характера, отец очень любил этот автомобиль с автоматической коробкой передач, имевшим соответственно, не три, а две педали. Отец вообще не любил лишних вещей и по этой же причине, если автомобиль на время оставался в его распоряжении, всегда снимал с сидений парусиновые чехлы, такие же по его мнению лишние, как и третья педаль. Сиденья автомобиля были частично сделаны из кожзаменителя, а так как отец по работе имел отношение к сухумскому кожкомбинату, то обивка сидений, пусть даже не из натуральной кожи, а из кожзаменителя хотя и не нравилась ему, но всё же была более ближе, чем чехлы из парусины. Во всяком случае, мобилизовывала на предстоящую работу с настоящей кожей. Эх, если бы капитан не так сильно расслабился от бархатного сухумского воздуха, он может и обратил бы внимание на отсутствие парусиновых чехлов, как предупреждение о том, что на этот раз, плавного перехода от привычной морской обстановки к возможным береговым неожиданностям не будет. Но он не обратил на это внимание и позвонил во входную дверь дома. И отец ему открыл... Последующие события вкладывают в эту фразу особый смысл.

Отец слыл в городе большим весельчаком и остроловом. Он хорошо играл на пианино, хорошо играл в бильярд, любил армянский коньяк и не любил «лишний разговор...» Он, конечно, знал о приятельских отношениях брата с немецкими капитанами, но никогда не принимал участия в их разговорах за чашечкой кофе. Во-первых, потому что не знал немецкого языка, а во-вторых, потому что считал, что уж если ты привёл человека домой, а разговор с ним ведёшь только за чашечкой кофе, то это как раз и есть «лишний разговор». Короче говоря, капитан «ДРУЖБЫ НАРОДОВ» зашёл в дом и за два часа, проведённых с отцом под армянский коньячок, перед каждым чоканьем рюмками на очередное отцовское «Гоп черкес!» на смелом русском языке отвечал: «Вира веселей!» Этот застольный и межзастольный переключ в некоторых сухумских кругах того времени означал не только то, что данное застолье проходит по плану, но и то, что в принципе всё в порядке, звуча как пароль и отзыв. В этом смысле, можно сказать, что в отличии от дяди, мой отец, зачастую попадая в хорошо сервированное окружение, правила конспирации соблюдал и всегда использовал этот пароль при выходе на связь со своим неразлучным другом Фиридуном Искандером, родным братом известного писателя.

Между моим отцом и дядей вообще были большие отличия. Когда-то в детстве я увидел, как дядя в Массандре стоит в очереди в столовую с подносом в руке. Эту картинку я пытался перенести на отца, представляя его на месте дяди. Отца я ещё мог представить, но когда дело доходило до подноса, отец куда-то исчезал и больше не появлялся. Сейчас я понимаю, что такая замена персонажей в столовой у меня не получалась потому, что с образом отца были связаны совсем другие декорации. Помню отца на открытой веранде ресторанчика гостиницы озера Рица, красный глиссер, ожидающий его внизу, белоснежная скатерть на столе, нарезанные дольки пахучего лимона, выстроившиеся один за другим на блюдечке, как солдатики, ожидающие своего трёхзвёздочного командира и поданная в таралетке чёрная, но по виду скорее сероватая, как бы немного прозрачная икра, запах которой для меня, ребёнка, был нов и как-то непонятен.

— Умру, запах искать будете, — сказал тогда отец, показывая в сторону икры.

Вот и сейчас, сохраняя привычную для себя декорацию за столом, в элемент которой, как реинкарнация красного глассера, входил капитан восточногерманского теплохода, скорее всего коммунист, отец принимал гостя. Помню, как отец позвал тогда меня, семилетнего мальчика, играющего во дворе, познакомиться с немцем. С интересом, но с некоторым, оправданным по фильмам того времени недоверием к немцам я забежал в комнату, чтобы увидеть настоящего немца, оказавшегося в нашем доме. Тогда я очень удивился тому, что на немце не было каски. Не знаю от коньяка ли, или от природы, но немец показался мне слишком розовощёким, что придавало его лицу некоторую самодовольность, почему-то напомнившую мне самодовольность дядьки из фильма Сергея Бондарчука «Серёжа» — дядьки, угостившего мальчика конфеткой, внутри обертки которой конфетки не оказалось, что очень развеселило тогда этого дядьку. Каким-то родительским чутьём отец почувствовал тогда моё волнение и достал для меня из вазочки, стоящей на столе, настоящую московскую конфету «Мишка косолапый», после чего я, схватив конфету, снова побежал во двор. Несколько раз я забежал со двора в дом в надежде на то, что немецкую каску немец всё таки откуда-то вытащит и наденет. Но тот не надевал, хотя по всем признакам должен был надеть, потому что в перерывах между «гопчеркесами», отец наигрывал немцу на немецком пианино «GERSTENBERGER» немецкие марши, которые помнил на слух, тоже по фильмам того времени. Немецкие марши отец чередовал с «Шалахо» на армянский манер, и, возможно, каску на немце я так и не увидел, потому что забежал посмотреть на него как раз в тот момент, когда отец играл ему «Шалахо» на армянский манер, что, по-видимому, периодически принуждало немца к безоговорочной капитуляции с одновременным сниманием каски.

В те времена «Шалахо» на армянский манер некоторыми ресторанными гуляками заказывался музыкантам, как «Нежный Шалахо». Нельзя сказать, что обычный, классический «Шалахо» сильно отличался от «Нежного Шалахо», но, в отличии от последнего, он был более напористым, если не сказать наступательным. Армянский же вариант «Шалахо» был более миролюбивым, а на фоне немецких маршей приобретал двойную миролюбивость. Вот и приходилось немцу в зависимости от репертуара пианиста (как я тогда додумывал), то надевать, то снимать свою каску, то надевать, то снимать... Между немецкими маршами и «Нежным Шалахо» отец почти не делал пауз и со стороны

могло показаться, что в нашем доме разучивается какой-то особый «Немецкий Шалахо», в хореографический элемент которого входит танец с касками.

Вскоре немец перестал меня интересовать и я окончательно вернулся во двор играть «в ОБХСС» с соседским мальчиком. По замыслу игры нужно было на машинках возить товар в магазин.

— Это левый товар, — иногда предупреждал Лёвик, научивший меня этой игре.

Что такое «левый товар» я тогда не понимал, да и не интересовался. Меня самозабвенно занимала красная Лёвикина машинка, однако в самый разгар игры Лёвик всегда вдруг резко её прекращал и уходя домой со своей машинкой тихо говорил мне на ухо:

— Всё! Закрывай магазин, ОБХСС идёт...

Что касается отца, то для него это было почти обычное начало дня, утренний распорядок которого, в связи с визитом немецкого гостя не претерпел особых изменений. Для капитана же этот день, наверное, оказался незабываемым, и уже потом, тепло попрощавшись с отцом и подарив ему, приготовленную для подарка дяде сувенирную настенную тарелочку с изображением теплохода «VOLKERFREUNDSCHAFT», капитан, отплывая вечером от пристани и глядя со своего капитанского мостика на бухту, пришёл к ясному выводу, что с высоты Сухумской горы обзор может быть и шире, но глубина человеческих отношений особенно приятна.

«VOLKERFREUNDSCHAFT» медленно разворачивался в сторону открытого моря. Вдруг со своего мостика капитан увидел, что его теплоход шумно обгоняют два глиссера с музыкантами. В первом глиссере один из музыкантов играл на аккордеоне, другой стучал ладонями по барабану, а третьим был известный сухумский свадебный музыкант, дудукист Мадо. Сейчас он стоя играл на кларнете, извлекая из него душеуспокаивающие звуки уже знакомого капитану «Шалахо» на армянский манер. А со второго глиссера из «ракетницы», оставляющей в небе большой оранжевый след, стрелял в воздух сухумский лётчик и всесоюзно известный испытатель парашютов Георгий Матевосович Каджарян. Рядом с ним из немецкого безобидного пугача «PERFEKTA» в воздух стрелял мой отец. Этот безобидный пугач недавно подарил ему на память его друг, человек «

весьма приятный и обходительный», как вспоминал о нём в своих воспоминаниях бесценный рассказчик Ираклий Андронников. А вот Смбат Григорьевич, человек широкой души и обширного телосложения, который и подвёз всю эту сухумскую компанию на своём чёрном «Зиме» к уже нетерпеливо пытящим у пристани глиссерам, от морской прогулки отказался.

— Лишний груз вам не надо, — сказал он отцу, указывая большим пальцем на свой большой живот. Автоматически вспомнив про лишнюю третью педаль, отец, без лишних разговоров, согласился с аргументом Смбата Григорьевича.

Рассказывали, что как-то, заслуженный лётчик-парашютист Георгий Матевосович Каджарян, в юбилейный для советских пионеров день, оторвавшись ненадолго от дружеского застолья, оторвался от земли и с «кукурузника» совершил прыжок с парашютом прямо на территорию пионерского лагеря, где его ожидали выстроившиеся в линейку пионеры. Видимо, последний тост, прозвучавший перед прыжком в его честь так сильно тронул Георгия Матевосовича, что не выветрился из его головы даже в свободном полёте, потому что приземлившись точно перед пионерской линейкой и отстегнув лямки парашюта, он не стал приветствовать пионеров по заранее приготовленной бумажке, а уверенно выдал:

— Товарищи пионеры! В борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза... Будьте здоровы!

Увидев глиссера, обгоняющие «ДРУЖБУ НАРОДОВ», стоящий на мостике капитан взял бинокль, посмотрел в него и среди этой, вооружённой на мирный лад компании, сразу узнал отца.

— «GOP CHERKESS!» — крикнул ему с мостика капитан и помахал рукой. Отец тоже помахал ему рукой, и два глиссера, сбавив на пару минут ход, помчались с музыкой дальше, встречать подходящее к берегу пассажирское судно — турбоэлектроход «Абхазия» (трофейное немецкое судно «Мариенбург», получившее в 1954 году название «Ленсовет» и переименованное в «Абхазию» в 1962 году по ходатайству руководства Абхазской АССР), на котором моя мама, вместе с родственниками, сопровождала невесту из Батуми. Вечером должна была состояться

свадьба племянника отца, вот отец и решил организовать весёлую встречу невесте, а заодно и проводить немецкого капитана, как положено...

А через пятьдесят лет, прошедших после тех событий, Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Республике Абхазия, Семён Вячеславович Григорьев, словно заметив оранжевый след, оставленный когда-то в сухумском небе ракетницей Георгия Матевосовича, наградил племянника отца, заслуженного врача-невропатолога Республики Абхазия и его жену, ту самую «невесту из Батуми», медалью «За любовь и верность».

Но тогда, «ДРУЖБА НАРОДОВ», уже на всех сухумских парах отплывала от сухумских берегов, держа курс на Кубу.

В двадцатых числах октября 1962 года, «VOLKERFREUNDSHAFT», под флагом ГДР со студентами на борту, вошёл в Карибское море. В самый разгар Карибского кризиса. А с 10 часов утра 24 октября (что следует из опубликованных источников) ВМС США начали проводить полную блокаду судов, следовавших в Карибское море. Охота велась за советскими танкерами, перевозившими на Кубу ракеты. Американские эсминцы вместе с крейсером «NEWPORTNEWS» искали советский танкер «БУХАРЕСТ», и 25 октября 1962 года «ДРУЖБА НАРОДОВ» была перехвачена американскими блокадными отрядами. В частности, капитан американского эсминца «John.Piers» DD753, обнаружив «ДРУЖБУ НАРОДОВ», подумал, что это очередной советский танкер. Разобравшись, что это не так, эсминец всё же, до 22 часов 34 минут (что тоже следует из источников), продолжал сопровождать немецкий пассажирский лайнер, после чего было принято решение позволить ему пройти курсом на Кубу. И это было единственное в то время судно, которому американцами было позволено дойти до кубинских берегов.

Пережив несколько не самых приятных часов в своей жизни, ровно в 23 часа вечера (что следует не из источников, а из предположений) 25 октября 1962 года капитан теплохода «VOLKERFREUNDSHAFT» откупорил в каюте подаренную ему в Сухуме бутылку армянского коньяка, налил рюмку, выпил, и отдавая самому себе честь в отражении зеркала, громко выпалил: «GOP CHERKESS!»